

Любимый сын великой матери. К 95-летию со дня рождения Георгия Эфрона

Наверное мало кто знает или помнит, но попытки найти дом где жила МЦ в Болшево совершенно неожиданно и как бы нечаянно начались с обнаружения пребывания в нашем городе ее сына Георгия. Как это часто бывает в неупорядоченной жизни обыкновенного человека помощь, а точнее подсказка пришла откуда не ждали.

Весной 1981 года энтузиастка «Общества распространения знаний», заводской инженер Новелла Викторовна Балашова попала в городскую больницу в отделение травматологии. Человеку энергичному, творческому, ей было скушно просто лежать в палате, наслаждаться больничным покоем и выполнять указания лечащих врачей. Она решила внести разнообразие в размеренную и заранее распisanную жизнь медучреждения. Сама немножко поэт и почитательница таланта МЦ Новелла Викторовна предложила провести лекцию о жизни и творчестве любимой Цветаевой.

Причем это не был экспромт, эта тема Балашовой уже была проработана и подготовлен 30-минутный яркий рассказ с включением в него отдельных строк из 40 или даже 50 стихотворений поэта. Мы работали на одном предприятии и я дважды был слушателем ее выступлений в отделах завода и видел с каким интересом и даже воодушевлением слушали Балашову итээровцы, часть из которых была совершенно незнакома с наследием МЦ.

Так и здесь, в палате городской больницы №1 города Калининграда Московской области (теперь это город Королёв) выздоравливающая пациентка Новелла Балашова прочитала лекцию, где присутствовали и больные и медперсонал. Ударным аккордом этого всегда прочитанного на одном дыхании получасового выступления-лекции было сообщение и о пребывании МЦ в нашем городе после возвращения ее в Союз из эмиграции.

Обычно ключевое и, так хочется считать, важное сообщение для горожан воспринималось с легким удивлением: «Ты смотри, ну это же надо! А не знаете – где?». В самодеятельном больничном лектории концовка выдалась нестандартной и даже обнадеживающей.

Уже после окончания выступления, заслуженных и благодарных аплодисментов, вопросов типа: «А где можно еще почитать о Цветаевой?», «А книги ее стихов у вас есть? «А принесите почитать» и им подобных подошла зав. отделением терапии Людмила Григорьевна Харитоновна и сказала коротко и просто: «Я училась в одном классе с Георгием».

Сам я естественно не присутствовал при этом поистине историческом событии. Но если бы стоял рядом и своими ушами слышал, то эта фраза из семи слов прозвучала бы для меня как выстрел «Авроры». Фраза стала бы в один ряд с известными возгласами великих и знаменитых, таких, как: гагаринское «Поехали!» или галилеевское «А все-таки она вертится!».

Я встретился с Балашовой, когда она, закрыв больничный лист, снова вышла на работу. Уже в конце своего повествования о лечении, о лекции и ее успехе среди больных и выздоравливающих Новелла обыкновенным голосом, совсем без нажима, как о чем-то будничном, поведала мне о самом для нас главном. И я обомлел.

- А ты спросила, где же он жил?

- Спросила, но Харитоновна этого не знает.

Вот такой сюрприз преподнес Его величество Случай, при этом не открыв **ни-че-го**. Я в то время уже очень сдружился с Надеждой Ивановной Катаевой-Лыткиной и в ближайший приезд к ней на Писемского, 6 – сходу выпалил эту новость.

Не раз и не два я высказывался о своем уважении к этому талантливому человеку, Надежде Ивановне. Исследователь, поисковик, аналитик всего того что касалось МЦ – здесь она была самого высокого класса. Участник ВОВ, фронтовой хирург, ее знание людей, людских типажей, сторон характера, что кому можно поручить, а что нельзя – все это она знала, что я наблюдал не раз. Она, безошибочно догадавшись, что «заставь меня Богу молиться, я весь лоб расшибу» тут же усадила меня на стул, села напротив и стала наставлять меня как надо «работать с материалом». Взглядом заклинателя змей Надежда Ивановна давала мне наставления на предстоящий визит к соученице Георгия.

Пройдя скорый курс повышения квалификации и разгоряченный ощущением предстоящих открытий чтобы получить ответы на «Что? Где? Когда?» я уже бил копытами, торопясь учинить допрос с пристрастием терапевту Харитоновой.

В тот день я дл должен был дежурить по цеху, значит на работу мне идти только после обеда. Поэтому с утра я устремился в больницу. Напоминаю молодым, родившимся после раскола Союза, что в СССР нравы были проще некуда и потому я совершенно свободно прошел в медучреждение, надел захваченный с собой белый халат (технологи в цехе, где я тогда работал ходили в таких) поднялся на этаж с табличкой «Терапевтическое отделение» и смело ступил в коридор. Спросив у медсестрички где я могу увидеть доктора Харитонову, уверенно и нагло зашагал в другой конец длинного коридора. Представляю себе – высокая

прямая фигура в белом халате, в руках «Комета-209» размером с хороший чемоданчик и весом в десять кило. Пару раз за моей спиной я слышал полушепотом: «А кто это?». Скорее всего меня спутали с высоким начальством из Центра. Постучав и открыв дверь малюсенького кабинета я увидел женщину за столиком над стопкой бумаг.

«Здравствуйте, Вы....»

«Да, я»

«Ведь вы учились с Муром»

«Да...»

«Мне очень нужно, просто необходимо, записать ваши воспоминания. Это для истории, ведь вы знали сына МЦ. Не откажите».

«Хорошо»

«Вы даёте согласие говорить на магнитофон?»

«Да, согласна».

И тут-то все и началось. Вот он первый шаг по длинному пути поисков памятных мест и встреч.

Людмила Григорьевна не менее часа была только со мной, к нам никто не заглядывал, телефон не звонил и я наводящими вопросами, согласно инструкции полученной от НИ, старался выведать все о сыне МЦ.

С этого дня Георгий-Мур стал постоянно со мной.

Харитоновна назвала мне имена еще троих «девочек» их класса и приблизительные адреса. Довольно скоро двоих я разыскал, хотя более полного и развернутого рассказа от них не получил. Так, подтверждение отдельных штрихов: «Интересный молодой человек, он казался старше всех наших мальчишек, хотя все были одноклассники». Зато они озвучили мне вовсе и не тайну и не секрет «Люда ему нравилась, поэтому он ее и провожал со школы домой, и портфель ее нес»! Зато Оля Вольф, из белорусского Гродно, откликнулась большим письмом, где с полным восхищением описала облик Мура. Особо нажимала на то, что рожденный и выросший за границей мальчик оказался с абсолютно русской душой. И это относилась целиком к заслуге Цветаевой.

Цитирую: Мальчик был контактный, не дичился наших ребят: с ними у него всегда находились общие интересы. На переменах его всегда окружала стайка наших мальчишек. Он им что-то рассказывал, показывал, и все смотрели на него с любопытством. Потом я выяснила: он показывал авторучки, которые мальчишкам очень нравились, и рисовал замечательные антифашистские карикатуры.

Держался он очень независимо. Казался взрослее всех нас. Мы были по-детски шумливыми, взбудораженными. А он был спокойнее, уравновешеннее, может быть увереннее в чем-то. Во всяком случае вел себя он свободно, и эта свобода обращения, интеллигентность импонировала даже нам, детям. *Конец цитаты.*

Мур утверждал себя в среде одноклассников через интеллект

Девчонки-одноклассницы через всю жизнь пронесли и сохранили в себе впечатление о необыкновенном сверстнике, внезапно появившемся в их классе и так же внезапно покинувшем их. «А почему? А куда» таких вопросов они не задавали.

Харитоновна много позже, ловя на слух имя театрального режиссера Эфроса, сама себя спрашивала: «Может он?» И сама же себе отвечала: «Нет. Тот был Эфрон».

Радость, эйфория от собранных воспоминаний живых свидетелей, которых доселе никто не спрашивал будоражили мой воспаленный мозг. Но громко кричать мне не хотелось. Тысячу раз была права Катаева-Лыткина: «Пока не найдем адреса, пока не узнаем всех обстоятельств, мы должны все держать в секрете».

Школа, в которой осенью 39-го учился Мур, была и моей школой, здесь я учился через 20 лет после него. Вполне вероятно, что у нас могли быть общие учителя. А преподаватель физкультуры Александр Иванович Кочнев наверняка бы рассказал об этом увальне из 7-А класса.

Когда я просеивал как через сито все педагогические кадры города, только одна очень даже старенькая «училка», отхлебывая чай из чашки с помощью заботливого внука на мой осторожный вопрос, пролепетала: «Эфрон? Да... Что-то такое было... Что-то было...».

Эх, как жаль, что поиски начались слишком поздно.

Прямо как у Цветаевой:

- Через десять лет забудут!

- Через двести вспомнят!

В череде дней, когда по жизни все бежит одновременно – и быт и семья и работа и общественные нагрузки – осенила свежая догадка: а как же я забыл про классные журналы. Вдруг они где-нибудь в архиве, на пыльной полке, под грифом «Хранить вечно». Ухватившись за эту идею, я и здесь пошел напролом. Снова обращаю ваше внимание на простоту отношений во времена моей молодости. И вот я, человек со стороны, прихожу в школу, прохожу все этажи и коридоры и стучу в дверь кабинета директора. Мужчина в годках интеллигентного вида слушает меня сначала с вежливым

вниманием, но вскоре проявляет интерес. Когда же я подытожил горячую речь пафосным восклицанием «История нам не простит!» Анатолий Иванович Ершов мягким голосом просто вернул меня на грешную землю.

- Классные журналы у нас действительно хранились, в том числе и довоенные, но когда накопилось слишком много, из здания школы их перенесли в деревянную пристройку. А несколько лет назад в ней случился пожар. Ничего не уцелело.

И здесь я опоздал...

В те месяцы зимы и весны 1981-82 гг я жил, вдохновленный поисками дома, из которого Мур ходил в известную мне школу и только в июле искомая точка на карте нашего города была найдена. Как и с чьей помощью – об этом я уже рассказывал и кажется не один раз.

А после, уже осенью объявила себя Софья Николаевна Клепинина, ставшая главным свидетелем жизни семьи Цветаевых-Эфрон в Болшево. Ее появление – самый ценный подарок для всех нас, кто пытался разыскать и выстроить все перипетии болшевского периода. Софа, как она сама разрешила себя называть, жила в этом же доме и все события происходили у нее на глазах.

Софа о Муре: «Он был увальнем и в характере его порой проскальзывало Сережино добродушие. Но тем не менее уже тогда чувствовался в нем тот материн эгоизм, который свойствен часто натурам талантливым. Он, как и мать, мог не замечать окружающего, смотреть поверх вашей головы, не видя и не слыша вас. Словно куда-то проваливался неожиданно на ваших глазах. И возвращаясь потом из этого «провала», вроде и сам бывал удивлен: где он был и где он есть? В матери эта черта была отчетлива, в сыне – еще только намечалась».

Мне Софа пересказала как ее брат Алеша увидел Мура в Москве, году это было в 43.

«Военная Москва. Идет толпа людей и в ее гуще Мур, его фигура выделяется, он на полголовы выше. У всех на лицах читается – где бы найти что-нибудь пожрать – а Мур с его величественно посаженной головой идет плавно, от сам в себе. Он над всеми».

Еще несколько штрихов добавил и рассказ его сверстника, жившего в Болшево в соседнем доме: «Наша семья вернулась из Бельгии, и я знал французский. Поэтому когда я услышал разговор двух ребят на этом языке (это были Мур и Митя Сеземан), то попытался вступить в общение. Но они не приняли меня в свою компанию. Отстранились».

Вот так постепенно я узнавал – каким же был Георгий.

Это много позже будут вынуты из архива и теперь даже опубликованы дневники Мура и уже в XXI веке все мы сможем узнать о его личных переживаниях, его внутреннем мире. Прочитать его мысли, которые юноша доверял только своей тетради.

А я попробовал рассказать вам о первых попытках поиска пребывания Георгия Эфрона в нашем городе, который тогда назывался Болшево, а сейчас называется КОРОЛЁВ.

Все, что было тогда найдено, стало достоянием музея МЦ городского Музейного объединения. Найти было трудно, но еще труднее – сохранить и приумножить. Дай Б-г коллективу сотрудников во главе с Зоей Николаевной Атрохиной и в дальнейшем справляться с этой почетной и очень-очень трудной работой.

Кошель Юрий Александрович,
сентябрь 2020 года